С Е Р И Я

И С С Л Е Д О В А Н И Я

К У Л Ь Т У Р Ы

DAS ZEITALTER DER NERVOSITÄT

Deutschland zwischen Bismarck und Hitler

JOACHIM RADKAU

ЭПОХА НЕРВОЗНОСТИ

Германия от Бисмарка до Гитлера

ЙОАХИМ РАДКАУ

Перевод с немецкого
НАТАЛИИ ШТИЛЬМАРК

Второе издание

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2026

УДК 930.85
ББК 63.3-7
Р15

https://elibrary.ru/xsjyyu

Книга выпущена при содействии
литературного агентства Gorky Street Moscow

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта
АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Радкау, Йоахим

Р15 Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова; вступ. слово С. Ташкенова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2026. — 552 с. — (Исследования культуры). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-4317-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4292-7 (e-book).

Технический прогресс и сексуальная эмансипация модерна, опережавшие психические возможности человека XIX века, запустили в культуре «нервные» механизмы, которые выражали обостренное ощущение нового мира и требовали новых методов преодоления, оказавшихся в итоге столь разнообразными и во многом фатальными. В этом ключе именитый немецкий историк Йоахим Радкау предлагает вниманию читателей уникальную культурную историю нервов в Германии. Фундаментальное исследование раскрывает панораму грандиозной эпохи, в которой нервы определяли как молодой тогда раздел медицинской науки, так и повседневность человека. Опираясь на богатый архивный материал, Радкау детально прописывает и анамнез, и эпикриз последних 150 лет «нервного дискурса» и задается вопросом, что же есть эта пресловутая «болезнь нервов» — обусловленный переломными вехами истории культурный конструкт или истинный опыт страдания, преходящая мода или константа, индивидуальный или коллективный феномен? В поиске ответов книга предлагает увлекательную модель интерпретации политической, культурной и личностной истории.

Книга адресована широкому кругу читателей — историкам, культурологам, политологам, социальным психологам.

УДК 930.85
ББК 63.3-7

Перевод книги: *Joachim Radkau.* Das Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismarck und Hitler

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
http://id.hse.ru

doi:10.17323/978-5-7598-4317-7

ISBN 978-5-7598-4317-7 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4292-7 (e-book)
ISBN 3-446-19310-3 (нем.)

© 1998 Carl Hanser Verlag, München
© Перевод на русский язык. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО (*Сергей Ташкенов*) 8

ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ ГНЕТА СТРАДАНИЙ, ПОИСКА СМЫСЛА И ВОЙНЫ 16

I. МАГИСТРАЛИ И ПЕРЕКРЕСТКИ В ИСТОРИИ НЕРВОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСОКИХ ТЕОРИЙ — О НЕРВОЗНОСТИ МОДЕРНА 22

КАРЬЕРА «НЕРВОВ» КАК ПОНЯТИЯ 32

ТОЛСТОКОЖИЕ ЛЮДИ И СТЕКЛЯННАЯ ГАРМОНИКА: НЕРВНАЯ СЛАБОСТЬ В ЭПОХУ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ И РОМАНТИЗМА 39

КТО ПЕРВЫЙ: БИРД ИЛИ БИСМАРК? НЕВРАСТЕНИЯ КАК АМЕРИКАНСКАЯ ИЛИ НЕМЕЦКАЯ БОЛЕЗНЬ 57

ОТ СЛАБОСТИ К ВОЗБУДИМОСТИ: МЕТАМОРФОЗЫ И КОНСТАНТЫ НЕВРАСТЕНИИ 71

II. ВЗГЛЯД ВРАЧА И ОПЫТ ПАЦИЕНТА

ГЛАЗАМИ ДОКТОРА: НЕСЧЕТНОЕ БОГАТСТВО ИСТОРИЙ ПАЦИЕНТОВ 83

ТЕОРИЯ НЕВРАСТЕНИИ И МЕДИЦИНСКИЕ СТРАТЕГИИ: МЕЖДУ НЕВРОЛОГИЕЙ, ПСИХИАТРИЕЙ И НАТУРОПАТИЕЙ 90

«Я» КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ: ТРЕВОГИ НЕРВНОГО САМОПОЗНАНИЯ И УПРЯМСТВО ПАЦИЕНТОВ 104

ЛЕЧЕНИЕ НЕРВОВ КАК УТОПИЯ И КАК ТЕХНИЧЕСКАЯ СЕТЬ: НЕРВОЗНОСТЬ И НЕВРОЛОГИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ 114

НЕВРАСТЕНИЯ И ПОЛ 128

«ПОСТЕЛЬ — ПОДЛИННОЕ ПОЛЕ БОЯ НЕВРАСТЕНИКА»: НЕВРАСТЕНИЯ И МУЖСКИЕ СТРАХИ — ВЕНЕРА, БАХУС И МАЛЬТУС 150

III. НЕВРАСТЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН МОДЕРНА

«МОДЕРНАЯ» ТЕОРИЯ НЕВРАСТЕНИИ И ЕЕ КРИТИКА: МОДЕРНОСТЬ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ; СПЕЦИФИКА ГЕРМАНИИ 176

ТЕХНИКА И ТЕМП, СДЕЛЬЩИНА И ШУМ: «МОДЕРНАЯ» ТЕОРИЯ В ПОИСКАХ ОПОРЫ 192

«НАСКВОЗЬ НЕРВОЗНА, СОБСТВЕННО, ТОЛЬКО БУРЖУАЗИЯ»:
НЕРВОЗНОСТЬ И КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО ... 217

«ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ» И «ГИПНОТИЗМ СИЛЫ»:
ОПЫТ САМОПОЗНАНИЯ В ЭПОХУ СИЛЬНЫХ ТОКОВ ... 234

«НЕРВНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ БУЭНОС-АЙРЕСА»:
МАНИЯ И ЖАЖДА СТРАНСТВИЙ КАК СПУТНИЦЫ НЕРВОЗНОСТИ ... 248

IV. НЕРВОЗНОСТЬ: ОТ БОЛЕЗНИ К СОСТОЯНИЮ КУЛЬТУРЫ

НЕРВОЗНОСТЬ КАК ЭПИДЕМИЯ И КАК ОДАРЕННОСТЬ ... 261

ОТ ЛЕЧЕБНИЦ К ПРИДВОРНОМУ ОБЩЕСТВУ:
НЕРВОЗНОСТЬ И КРИЗИСНОЕ СОЗНАНИЕ ЭПОХИ ВИЛЬГЕЛЬМА II ... 270

КИНЕТИКА КАЙЗЕРА И СТРУКТУРНАЯ НЕРВОЗНОСТЬ
МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ ВИЛЬГЕЛЬМА II ... 273

«МЯГКАЯ» СТОРОНА ВИЛЬГЕЛЬМИНИЗМА И ЕГО ПОЗОР,
ИЛИ ЗАКОЛДОВАННЫЙ И РАСКОЛДОВАННЫЙ МИР ... 294

ГОРОДСКАЯ ГИГИЕНА, ШКОЛЬНАЯ НАГРУЗКА, РЕФОРМА ЖИЗНИ:
РЕФОРМАТОРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАБОТЫ О НЕРВАХ ... 308

НАЦИОНАЛИЗМ И НЕРВОЗНОСТЬ: НЕРВНОЕ СОСЕДСТВО
НЕМЦЕВ И ЕВРЕЕВ ... 323

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И НЕВРАСТЕНИЯ:
БАТАЛИИ ВОКРУГ «РЕНТНОГО НЕВРОЗА» ... 338

V. ПОВОРОТ К ВОЛЕ И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕРВОЗНОСТИ

ПОКОЙ — ГИПНОЗ — «КУЛЬТУРА ВОЛИ» ... 353

«МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ» И «БУДУЩЕЕ НА ВОДЕ»: УЧЕНИЕ
О НЕРВАХ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА; «НЕРВОЗНОСТЬ»
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ БУМЕРАНГ ... 371

ОЖЕСТОЧЕНИЕ МУЖСКОГО ИДЕАЛА И ПОЗОР «ШЛЮПИКОВ»:
КРАХ НЕРВНОГО СМЫСЛОПРОИЗВОДСТВА ... 384

ВЫИГРАТЬ ВРЕМЯ ИЛИ ПОТЕРЯТЬ: МЫСЛИ О ВОЙНЕ В МИРНЫЕ
ГОДЫ И СБИТОЕ С ТОЛКУ ВРЕМЯ ... 403

УЖАС И ОБАЯНИЕ ГОЛОВЫ ГОРГОНЫ: НЕРВОЗНОСТЬ И ВОЙНА ... 412

РАСКОЛ НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА И ЗАКАТ УЧЕНИЯ
О НЕВРАСТЕНИИ; ОТ НЕВРАСТЕНИИ К СТРЕССУ ... 423

БОРЬБА И СМЕХ: ИЛЛЮЗИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ
НАД НЕРВОЗНОСТЬЮ ... 441

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 450

СОКРАЩЕНИЯ 453

ПРИМЕЧАНИЯ 454

ЛИТЕРАТУРА 512

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Нервная культура на свидании с прошлым и настоящим:
Спираль истории и культура нервов.

«[...] тут все нервные болезни назначили друг другу свидание...»[1] — писал Фридрих Ницше в конце 1880-х годов о молодом народном христианстве, но блестящая формула ставит подпись под целой немецкой эпохой — от Бисмарка до Гитлера.

Конечно, культурная история нервов, которую пишет Йоахим Радкау, не ограничивается названными рамками и тем более не заканчивается — это диктует само понятие Истории, процессуальной и нескончаемой, по крайней мере до тех пор пока нервы не исчезнут из науки, из языка, из человека. Пока не исчезнут — вместе с самим человеком. И все же временные рамки очерчены удивительно четко: культурная история нервов начинается именно там, где тянущаяся из античности тень Меланхолии сменилась болезненным демоном нервности и растворилась (но не закончилась) там, где великое потрясение заставило говорить о другом. Если сегодня новая мода на «высокочувствительность» и «нервозность» — всего лишь реабилитация прежней моды, только в новых условиях и декорациях[2], то в эпоху раннего модерна дань «нервной» моде являлась реакцией на абсолютное новшество — невиданное, неслыханное и крайне удобное. Сложно представить, чтобы без двух столетий напряженного осмысления этого открытия — что «я есть нервы», — после паузы великого потрясения была возможна данная книга, равно как и многие другие в западной культуре. Почему?

Ответ кроется в исследовательском материале, к которому обратился Радкау, — в отдельных историях болезней ушедшей эпохи, и более того — в истории этих историй, которая незаметно, подспудно, но совершила переворот в картине мира человека и его повседневности — отдельные, частные, маленькие жизни оказались сильнее науки. Поэтому главный предмет, и метод, и цель труда Радкау — История.

Сегодня, говоря о «нервах», автоматически выстраиваешь логико-семантическую цепочку: «Проблемы с нервами? — Иди к невропатологу!»

[1] *Ницше Ф.* Воля к власти / пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005. С. 123.

[2] Ср. на современном американском материале: *Стоссел С.* Век тревожности. Страхи, надежды, неврозы и поиски душевного покоя. М., 2016.

И точно так же, когда говоришь о психике: «Проблемы с психикой? — Тебе к психиатру!» Конечно, так называемые психические расстройства и расстройства нервные следует разделять. И все же в культуре Германии и Австрии они традиционно (во многом благодаря грамматико-синтаксической специфике немецкого языка) идут рука об руку: как *Nerven- und Geisteskrankheiten*. Изначально, до становления соответствующих научных дисциплин, такого деления не было, а «нервно- и душевнобольные» долгое время шли рука об руку, да и сегодня они тоже несут один общий ярлык не-нормы. И, как наглядно показывает исследование Радкау, именно в пространстве культуры нельзя очень четко разводить психиатрию и, скажем, невропатологию. Поэтому история нервозности должна начинаться с истории сумасшествия.

История эта в Новое время была стремительной. Красивая традиция сложилась так, что ключевой момент в зарождении научного и культурного дискурса психиатрии и «грамотного», «дифференцированного» отношения к безумным принято легко и приятно сводить к элегантному жесту французского психиатра Филиппа Пинеля в знаменитых больницах Бисетр и Сальпетриер — жесту, увековеченному на замечательном полотне Тони Робер-Флери: «Филипп Пинель снимает цепи с больных» (1795). Да, это был действительно большой акт гуманности, заложивший основы психиатрии, — с безумных сняли кандалы, они получили новые условия существования. Как известно (спасибо Фуко), период 1650–1800 годов был эпохой административного ограничения сумасшедших: нерасчлененную массу «неразумных» интернируют, изолируют, запирают: «Исчезнет лепра, фигура прокаженного изгладится или почти изгладится из памяти людей — однако все эти структуры останутся неизменными»[3]. Лишь со сменой культурной парадигмы в конце XVIII века в сторону формирующейся концепции индивидуальности и сочувствия (Лессинг) безумец перестает восприниматься как «неразумное» животное — безумец попадает в поле зрения сочувствующего интереса Просвещения, безумец не виноват, безумие может настигнуть каждого. И когда категория «неизлечимых» распадется на категории «подлежащих призрению» и «потенциально излечимых», тогда и зародится психиатрия и Пинель снимет с больных оковы.

Однако, пишет Фуко, мало что изменилось: безумцев заперли в новых формах репрессии — психиатрических классификациях, на которых врач будет возводить свой особняк власти, ибо «[в]ластные отношения составляли априори психиатрической практики» и «основной предпо-

[3] *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М., 2010. С. 15.

сылкой этих властных связей было абсолютное правовое преимущество не-безумия над безумием. Преимущество, которое выражалось в терминах знания, действующего на незнание, [...] нормальности, воцаряющейся над расстройством и отклонением»[4]. Такая оптика присуща всей истории психиатрии или же невропатологии. Два совершенно разных и случайных примера из Германии и Франции наглядно демонстрируют эту позицию — как предысторию того «нервного» дискурса, «археологией» которого занялся Радкау.

Первый пример: знаменитая книга немецкого писателя Христиана Генриха Шписа «Биографии безумцев» (1796), за основу которой он взял реальные жизненные истории, разбавив их вымыслом. Изображение сумасшедших целиком заглушается аукториальной манерой рассказчика (иного не допускала и сама поэтика его эпохи), который смотрит на сумасшедших (а они и были-то всего лишь, как сказали бы потом, продуктом своих страстей и нервов) и их истории с позиции сочувствующего «разума» наблюдателя: «Безумие ужасно, но еще ужаснее то, что так легко самому пасть его жертвой. [...] Повествуя Вам о биографиях этих несчастных, я не только хочу пробудить в Вас сочувствие, но и наглядно доказать, что всякий — сам хозяин своего несчастья, а значит, в нашей власти — подобного несчастия избежать»[5].

И второй пример: знаменитый французский психиатр Жан-Мартен Шарко, учитель Фрейда, основатель одного из учений о неврастении, любитель гипноза и создатель «душа Шарко». На своих лекциях по вторникам и пятницам Шарко в буквальном смысле демонстрировал истерию, принципиально исходя из изображаемости симптомов: «Я дам Вам прочувствовать эту боль, я дам Вам увидеть ее свойства. Как? Тем, что я покажу Вам пятерых больных»[6]. Далее начиналась *игра*: появлялась девушка, искусственным образом воспроизводила симптомы истерии под комментарии и объяснения дирижирующего всем действом врача. Истерия получала драматичную театральность, *показывая себя*, ситуация в целом превращалась в перформативный акт, увековеченный на полотне Андре Брюйе (1887).

Что объединяет оба примера? Конечно: аукториальность, позиция власти и решающее слово дирижера. Будь то герои книги Шписа, или фиктивные пациентки Шарко, их проблема, равно как и проблема всех

[4] *Фуко М.* Психиатрическая власть. СПб., 2007. С. 408-409.

[5] *Spieß C.H.* Biographien der Wahnsinnigen. Berlin, 1966. S. 7.

[6] Цит. по: *Ralser M.* Das Subjekt der Normalität. Das Wissensarchiv der Psychiatrie: Kulturen der Krankheit um 1900. München, 2010. S. 40.

больных в классической медицине, одна — будь то серьезное психическое расстройство или легкая нервная дилемма — их *не слышно*. Сумасшедшие, нервные, все выступают «*немыми* носителями знаков»[7]. Рассказчик, врач, все отнимают у героя его слово, голос, лишают его «дееспособности», права говорить и рассказывать свое страдание самому — так, что в итоге психиатрия оказывается «монологом разума над безумием»[8], а «вся действительность [пациента] сконцентрирована во внешней воле — во всемогущей воле врача»[9].

Поворот от такого семиотического обращения с больными к нарративным техникам коммуникации открывает в этой истории совершенно иные стороны. И собственно здесь рождается сама возможность исследования Радкау — жанр истории болезни.

Великая заслуга здесь вовсе не за психиатрией, а за писателем Карлом-Филипом Морицем, который еще до того, как родилась психиатрия, в 1783 году основал журнал экспериментальной психологии «Gnothi sauton!» («Познай себя!») и собирал для него истории, трогательные и прежде всего необычные, истории отклонений и необычных явлений душевной жизни человека. Свои частные истории ему присылали живые люди — таким образом, впервые больной или мучимый своим состоянием субъект обрел возможность говорить и рассказывать свою историю от своего же лица. К этому и призывал Мориц: «Пусть же заговорят безумные, пусть каждый в этом состоянии беспорядка заговорит лишь тем языком, который он выучил, — каждый выскребет обратно на свет мысли, которые он когда-то подумал, пусть даже и лишь однажды, но сразу отбросил их от себя»[10]. Посредством истории больной возвращал себе дееспособность. Неспроста в немецком языке в корне этого слова (*mündig*) лежит «рот» — *Mund*. Ему больше не требуется «опекун», чтобы рассказать его историю, он становится «*речес*пособным» — *sprachmündig*[11]. Больной получает возможность быть услышанным. И его слышит широкая публика.

Сам жанр клинической истории оказался в силу своей схожести с жанром новеллы необычайно популярным — как в медицине, так и среди

[7] *Ralser M.* Das Subjekt der Normalität. Das Wissensarchiv der Psychiatrie: Kulturen der Krankheit um 1900. München, 2010. S. 25.

[8] *Foucault M.* Wahnsinn und Gesellschaft. Frankfurt am Main, 2015. S. 8.

[9] *Фуко М.* Психиатрическая власть. СПб., 2007. С. 174.

[10] *Moritz C.-P.* Gnothi sauton oder Magazin zur Erfahrungsseelenkunde. Bd. 3. Berlin, 1785. S. 118.

[11] См.: *Ralser M.* Op. cit. S. 18, 25.

читающих масс, чей интерес подогревался и пикантностью, ужасностью, удивительностью, содержащейся во всякой истории. Это объясняет и феноменальную популярность главного сборника таких историй — «Половой психопатии» Рихарда фон Крафт-Эбинга, своеобразной «Тысячи и одной ночи» сексуальной патологии, даром он пытался скрыть волнующие подробности за латинскими терминами. А истории, описанные Фрейдом, которые он и сам открыто сравнивал с новеллами, были сконструированы уже настолько искусно, что читались как детективы. Так все эти голоса и частные жизни проникли в общественность и культуру, так складывался тот самый повсеместный нервный дискурс, о котором идет речь, и он отделялся от дискурса безумия, не менее мощного, хоть и более быстротечного. Но это уже другая история.

Разделила их в существенной мере сама наука в процессе собственной дифференциации и определения себя и своего предмета. Разделила терминологией. Отправной точкой в истории называния болезненных состояний, при которых не страдала человеческая «материя», могла стать, конечно, только душа — *Seele*, — отсюда возникли и недуги, и болезни, и мир, которые по сути были психическими, но назывались «душевными»: *Seelenleben, Seelenleiden, Seelenkrankheit*; и, соответственно, одним из первых имен самой психиатрии было *Seelenheilkunde* — буквально «умение исцелять душу». А раз появляется понятие болезни, то в игру вынуждена вступить медицина, уже обладающая статусом научного мероприятия, для которого душа семантически перегружена, размыта и, говоря откровенно, сентиментальна. Тогда обратились к понятию *Geist* — дух, так как это уже категория, прижившаяся в философии, пусть статус ее как науки сомнителен, но она выстраивает явления объективного и субъективного мира в систему и пытается их трактовать. Так страдание души в процессе самоутверждения психиатрии как науки перешло в болезнь духа — *Geisteskrankheit*, хотя суть осталась прежней. Но и *Geist* — слишком абстрактно, ибо философично, поэтому лучше психика — *Psyche* — да, тоже абстрактно, но уже конкретнее, так как заимствовано из языка академических кругов. Наконец, болезнь стала психической: *psychische Krankheit*. Почему же лучше всего прижились именно «нервы»? Вероятно, не только потому, что нервные расстройства в обществе превосходят психические количественно. Как кажется, нервы давали больше ощущения некой материальности, нервы были ближе к телу человека, которое он ощущает постоянно, за нервы легче зацепиться, чем за непонятную ученую психику, абстрактный дух, не говоря уже о совершенно эфемерной душе. Нервы оказались ближе к повседневности.

Более того, «нервы» стали стремительно (как и слово «быстро», *schnell*) проникать в ткань языка, поселяться в его плоти. Сам немецкий язык стал приучать своих носителей к нервам как к чему-то повседневному. Так, нервная система называлась *Nervenkostüm* — «нервный костюм», а собственное раздражение стало очень удобно лаконично выражать с помощью нервов: сказать, что кто-то «пилит мне нервы» (*Nervensäge*), или пожаловаться, что у тебя «украли последний нерв» (*den letzten Nerv rauben*). «Нервы» в языке даже победили безумие: так, «Я сойду с ума!» не имеет в виду безумие в клиническом смысле, но подразумевает именно нервную перегрузку — «не выдержат нервы».

Стремление психиатрических наук к власти и расширению сфер своего влияния сказывалось на культуре и положительно. Не только в том плане, что психиатры стали проецировать свои методы и знания на объяснение культуры в широком смысле слова (иногда заходя и слишком далеко, яркий тому пример — евгеника и ее последствия для немецкой истории), но и в том, что она питала культуру художественную, а художники, осмысляя новые, научные концепции человека, не только оформляли культурно-социальные тенденции собственными средствами, но и задавали им впоследствии направление и тон.

Ведь сложно себе представить «нервный» дискурс без яркого периода высокого модерна — открытие внутреннего мира, теперь вдруг объяснимого новыми средствами и словами, обращение «вовнутрь», «вчувствование» готовили золотой рубеж веков, взбудораженный предчувствием будущего, к тому, чтобы это будущее увидеть в нервах. Так, Герман Бар (пожалуй, самый влиятельный теоретик искусства модерна) на рубеже веков абсолютно в духе времени провозгласил, что новая литература повернется к «новой психологии», а новый идеализм — к новому содержанию: «Новый идеализм выражает новых людей. И они — нервы; все остальное успело отмереть, пожухнуть и зачахнуть. Они могут переживать одними лишь нервами, реагировать — из одних лишь нервов. Все происходит на их нервах, и все, чего они добиваются, исходит от нервов. [...] Содержание нового идеализма составляют нервы, нервы, нервы»[12]. По Бару, нервы станут единственно возможным способом выражения нового человека, а «нервозная романтика» и «мистика нервов» вытеснят натурализм. Важно здесь не то, насколько оправдались чаяния Бара в отношении искусства (а некоторые из них оправдались) и сколько сторонников или противников он нашел, но важно, что это — один из

[12] *Bahr H.* Die Überwindung des Naturalismus // Ders. Die Überwindung des Naturalismus. Weimar, 2004. S. 132.

ключевых текстов эпохи, а значит — часть его дискурса, который он во многом и генерирует.

Пример из другой области подтверждает, как слаженно работают дискурсивные механизмы: «Воспоминания нервнобольного» (1900–1902) Даниэля Пауля Шребера — опыт самоанализа, где даже нервное расстройство раскрывается пациентом через понятия нервов. Шребер пишет, что ему удалось перевести свое душевное состояние на «язык нервов», «который здоровый человек, как правило, не осознает. [...] Использование этого языка нервов при нормальных обстоятельствах зависит, конечно, [...] от воли того человека, о нервах которого идет речь. Ни один человек не может заставить другого пользоваться этим языком нервов. Но в моей ситуации, с момента [...] критического поворота моей нервной болезни, настал тот случай, что нервы мои извне и беспрестанно без малейшего повода приходят в движение»[13]. Как и с Германом Баром, здесь важна не реализация идеи в практической жизни, но тот факт, что подобный текст — во всех смыслах слова продукт культуры, и вместе с тем сам — ее созидающий механизм. Как иначе объяснить, что непревзойденнейшим архитектурным шедевром Отто Вагнера была построенная в первое десятилетие XX века в Вене церковь Св. Леопольда для душевнобольных при крупнейшей австрийской клинике для нервно- и душевнобольных Ам Штайнхов? И что в психиатрических клиниках были не только знатные пациенты, но и знатные «гости»?

Психиатрические науки получали особый фидбэк от высокой культуры. Через основанный в рамках науки жанр патографии (клинической биографии выдающейся личности) они осваивали пространство культуры на свой лад — культура неврологического прочтения нервной культуры. Главным проектом этих претензий был знаменитый труд «Гениальность, безумие и слава» психиатра Вильгельма Ланге-Эйхбаума, охватывающий 11 томов патографий практически всех ключевых фигур культурной истории. Проект написания такой «клинической истории культуры» и утверждения психиатрии как ведущей науки не состоялся или не завершился. Однако, как видно, написать культурную историю нервов — достойный проект, который Йоахим Радкау виртуозно воплощает в жизнь на страницах этой книги.

Исходя из частных, отдельных историй пациентов и их болезней, Радкау пишет не просто историю концепции «нервов». История «нервного» дискурса как история говорения о нервах оборачивается историей целой культуры и историей отдельной страны. Психическое, особенно в

[13] *Schreber D.P.* Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. Berlin, 2003. S. 34.

своем патологическом, диковинном разрезе, становится основой толкования культуры — как национальной (в плане «особого пути» Германии и ее самосознания), так и художественной (в плане различных модусов рефлексии), и личностной. В колоссальной работе Йоахима Радкау отчетливо просматривается удивительная и редкая жемчужина: История как метод.

Сергей Ташкенов